

На правах рукописи

СИБГАЕВА ФИРУЗА РАМЗЕЛОВНА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ
«МӘХӘББӘТ» (ЛЮБОВЬ)
В ТАТАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2009

Работа выполнена на кафедре прикладной лингвистики и переводоведения
факультета татарской филологии и истории
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»
Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Сафиуллина Флера Садриевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Гарифуллин Васил Загитович

кандидат филологических наук
Шаяхметова Лейсан Хабировна

Ведущая организация: Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии Наук РТ

Защита состоится 17 декабря 2009 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина:
<http://www.ksu.ru>

Автореферат разослан _____ ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Ш.Юсупова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последнее время стали актуальными исследования взаимоотношений языка и культуры. Интерес ученых к этой проблеме привел к появлению в конце XX в. лингвокультурологии, изучающей национально-культурную семантику языковых единиц во всей полноте их содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры.

В XXI в. активно развивается направление, рассматривающее язык как культурный код нации, а не просто средство коммуникации и познания. В центре внимания лингвокультурологии находится человек: его знания, поведенческие нормы, определяющие его как представителя данной культуры, что позволяет говорить о ее гуманистическом характере. Антропоцентричность в лингвокультурологии соответствует общей тенденции гуманитарных исследований. Огромную значимость при изучении человека в языке приобретает обозначение отдельных эмоций.

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*), который является элементом макроконцепта, охватывающего различные психоэмоциональные состояния человека как представителя отдельного народа, закрепленные в татарской языковой системе, образцах современной татарской поэзии и поэтических текстах фольклора, на примере комплексного изучения лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*).

Актуальность исследования определяется недостаточностью существующих исследовательских подходов к описанию лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) в татарском языке. На современном этапе развития татарского языкознания назрела потребность детального и комплексного исследования данного концепта, а также выявления практической необходимости изучения системы данного концепта в структурно-семантических отношениях языковых средств, репрезентирующих концепт «*Махэббат*» (*Любовь*), и его интерпретации в текстах современной татарской поэзии и поэтического фольклора.

Ни одно из проявлений человеческой психики не привлекало к себе столько внимания писателей и поэтов, как любовь. Любовь – «самая естественная для человека страсть» (Паскаль), «чудо цивилизации» (Стендаль), она, наряду с голодом и честолюбием, правит миром¹.

Концепт «*Махэббат*» (*Любовь*) – это ядро национального и индивидуального сознания, древнейшее «ключевое слово» человеческой культуры, в котором заключены всенародное осмысление чувства любви и ее значимость применительно к человеческому бытию, попытка человеческого разума отыскать силу, которая управляет мировым порядком и поведением человека.

---

¹ Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 33.

При этом любящий испытывает желание получить предмет в «личную сферу» или сохранить его в ней, желает ему добра и процветания, готов ради него идти на жертвы, заботиться о нем, берет на себя ответственность за его благополучие, он «находит в любви смысл своего существования и высший моральный закон»².

Все это и предопределяет актуальность темы диссертационного исследования.

Объект исследования – лингвокультурный концепт «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) как часть обширной концептосферы татарского языка.

Предметом исследования являются национально-специфические характеристики вербализации лингвокультурного концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) в татарской языковой картине мира и особенности его функционирования.

Целью исследования является комплексное изучение лингвокультурного концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) в татарском языковом сознании.

Исходя из указанной цели, были поставлены следующие **задачи**:

- выявление специфики лингвокультурологического подхода к исследованию языковых явлений;
- анализ основных теоретических подходов к пониманию языковой картины мира, понятия «концепт» и национально-культурного компонента в лингвокультурологии;
- описание этимологической «интерпретации» лексемы *мәхәббәт* (*любовь*);
- анализ синтагматических и парадигматических отношений лингвокультурного концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*);
- выявление особенностей функционирования ключевой единицы *мәхәббәт* (*любовь*) в современной татарской поэзии и в текстах поэтического фольклора (татарские народные песни и паремиология);
- репрезентация ассоциативного поля концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*);
- анализ сочетаемости и вербализации лексемы *мәхәббәт* (*любовь*).

Материалом исследования послужили языковые единицы толковых, антонимических, синонимических, фразеологических словарей татарского языка, словарей и сборников татарских пословиц, а также примеры речевой актуализации концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*), извлеченные из текстов современной татарской поэзии и поэтического фольклора. Создана картотека, включающая около 5 тысяч примеров.

Выбор поэтов осуществлялся по следующим критериям: 1) по активности творчества на современном этапе; 2) по преобладанию в их творчестве любовной лирики.

Методы исследования. Выбор методов лингвистического анализа обусловлен спецификой исследуемого материала и целью диссертационной работы. Основным методом исследования является описательный метод, включающий такие приемы, как изучение фактического материала, обобщение, интерпретация и классификация.

---

² Там же. – С. 37.

При сравнительном анализе функционирования концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) в разные периоды становления и формирования особенностей лексики татарского и ряда других тюркских языков использовался сопоставительный метод.

Сравнительно-исторический метод применялся при выявлении изменений структуры и состава концепта, происходящих в различные исторические периоды.

С целью выявления объективно существующих закономерностей развития концепта и получения более подробной картины динамики применялся статистический метод.

При описании репрезентации культуры в лексемах, передающих значение любви, кроме методов структурной лингвистики, использовался метод концептуального анализа.

Материал изучался, прежде всего, методом синхронного анализа, который при описании изменения состава и структуры концепта дополнялся диахроническим анализом.

Лексикографический, контекстный, компонентный и семантический анализ применялись при выявлении структуры лексического значения лексемы и каких-либо изменений в ней.

Методологическую основу диссертации составили теоретические положения, разработанные в трудах таких ученых, как В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Сепир, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Г.А. Брутян, Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, В.Г. Гак, М.И. Исаев, С.Г. Воркачев, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Ю.Н. Караулов, З.Д. Попов, В.Г. Костомаров, Н.А. Красавский, В.А. Маслова, В.И. Постовалова, Б.А. Серебренников, И.А. Стернин, З.К. Тарланов, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, В.И. Убийко, Е.В. Урысон, Р.М. Фрумкина, Ю.С. Степанов, М.В. Пименова, В.Х. Хаков, Ф.С. Сафиуллина, Л.К. Байрамова, Р.Р. Замалутдинов, Г.Р. Галиуллина, А.А. Аминова, Л.Г. Сяхова, З.А. Мотыгуллина, А.Ш. Василова, Л.Х. Шаяхметова, Л.Р. Гарипова, Ф.Х. Хасанова и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые:

- разработана теоретико-методологическая основа исследования эмоциональных концептов в лингвокультурологическом аспекте на примере эмоционального концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*);
- проведен комплексный анализ лингвокультурного концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) в татарской национально-культурной картине мира;
- прослежена динамика центральных и периферийных содержательных компонентов концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) и его ключевой лексемы *махәббәт* (*любовь*) в татарском языке, в поэтическом дискурсе, в устном народном творчестве;
- проанализирован набор компонентов, составляющих семантику исследуемого концепта.

Теоретическая значимость диссертации. Результаты исследования значимы для лингвокультурологии, могут способствовать дальнейшей разработке конкретных вопросов, связанных с особенностями мышления, а также при разработке некоторых аспектов теории межкультурной комму-

никации, культурологии, основ концептологии. Анализ лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) позволит глубже изучить систему мышления и сознания, зафиксировать отражение на вербальном уровне мыслительной деятельности татарского народа, специфику его ментального мира, национального характера.

Практическая ценность настоящего исследования состоит в том, что его материалы могут использоваться при составлении учебных пособий, теоретических курсов по лексикологии татарского языка, спецкурсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, а также в научно-исследовательской работе студентов. Материалы работы могут быть включены в словари татарских эмоциональных концептов. Подход к анализу концептуализации действительности в эмоциональных концептах, осуществленный в данной работе, может быть учтен в лексикографической практике татарского языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Представление лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) как сложного ментального образования, в состав которого входят понятийный, образный и ценностный компоненты.

2. Элементом ядра семантического поля «*Махэббат*» (*Любовь*) выступает ключевое слово *махэббат* (*любовь*), а периферией – разноуровневые языковые средства.

3. Вопрос о сочетаемости лексики *махэббат* (*любовь*), являющейся базовой лексемой проводимого нами исследования.

4. Основу концептуального анализа составляют метафоры.

5. Отражение сложной структуры лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) в татарской лингвокультуре на материале текстов современной татарской поэзии и поэтического фольклора с учетом выражения этого концепта в художественном типе дискурса.

Апробация. Основные положения и научные результаты исследования были изложены и обсуждены на итоговых конференциях Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина в 2005–2008 гг., на международных научно-практических конференциях и симпозиумах: «Проблемы истории и теории тюркских и финно-угорских языков» (Казань, 2004 г.), «Этнодидактика народов России: обучение и воспитание в состязательной среде» (Нижекамск, 2008), «Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации: VII Международный симпозиум «Языковые контакты Поволжья» (Казань, 2008 г.), на Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 2009 г.), Международной научной конференции «Татарская культура в контексте европейской цивилизации» (Казань, 3–4 ноября 2009 г.) и др. Основные положения исследования отражены в четырнадцати опубликованных статьях, одна статья опубликована в издании, рекомендованном ВАК.

Структура работы определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка анализируемого материала, лексикографических источников и научной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна, определяются объект, предмет, цель, задачи исследования, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, описываются материал и методы исследования, формулируются выносимые на защиту положения.

Первая глава **«Теоретико-методологические предпосылки в исследовании лингвокультурологии»** носит вводно-теоретический и методологический характер. В ней дан краткий обзор научных направлений в изучении взаимодействия феноменов языка и культуры, подробно рассмотрены используемые в работе базовые и основные понятия лингвокультурологии.

Понятия «лингвокультура», «лингвокультурология», «языковая картина мира», «концепт» и связанная с ними проблематика, хотя и имеют давнюю научную традицию, по-новому актуализируются на каждом этапе развития научной мысли. Язык очень часто является идентифицирующей характеристикой этноса.

В эпоху Возрождения комплексное изучение языка и культуры вступило в новый этап. Диалог культуры и языка рассматривался в прямой зависимости от личности. Человек, его мышление, разум стали определяющими критериями в этом диалоге.

Новый этап в рассмотрении проблемы лингвокультурных взаимоотношений был открыт представителями метафизического механистического материализма³. Так, согласно Ф. Бэкону, язык позволяет многое узнать о говорящем на нем народе; Т. Гоббс проявлял интерес к языку как к средству познания истины. В работах И. Канта, Г. Гегеля также немало внимания уделялось языку.

У истоков осмысления фундаментальной роли языка в процессе формирования этнического опыта и мировосприятия стоял философ и лингвист Вильгельм фон Гумбольдт, в концепции которого признается причинная связь между языком и культурой, при этом главенствующая роль отводится языку.

С конца XX в. в рамках изменения научной парадигмы гуманитарного знания на смену системно-структурной и статистической парадигмам приходит антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая парадигмы. В исследованиях, выполненных в рамках антропоцентрической парадигмы, на первый план выходят проблемы «человек в языке» и «язык в человеке», которые разрабатываются в работах по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, психолингвистике, этнолингвистике.

Лингвокультурология становится вполне самостоятельным направлением в лингвистической науке, объединяющим философов, лингвистов, культурологов, которые выбрали объектом своих исследований диалог языка и культуры. На основе этого диалога возникла новая наука – лингвокульту-

---

³ Языковая личность: лингвокультурология, лингводидактика, лексикография / под ред. проф. В.В. Воробьева, проф. Л.Г. Саяховой. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 20.

рология, задачей которой являются изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета.

В данной диссертационной работе проведен лингвокультурный анализ фрагмента татарской языковой картины мира. Такого рода анализ невозможен без выявления основных понятий лингвокультурологии. Объектом лингвокультурологии является исследование взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе их функционирования, предметом – созданная человеком, материальная и духовная культура в ее существовании и функционировании, т.е. все то, что составляет языковую картину мира.

Языковая картина мира – это продукт сознания, результат взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире. Обобщив результаты исследований по этой проблеме, мы можем утверждать, что под языковой картиной мира следует понимать выраженную с помощью языковых средств системно-упорядоченную информацию об окружающем мире.

Становление лингвокультурологии как комплексной дисциплины, изучающей язык во взаимосвязи с культурой, потребовало разработки соответствующего категориально-терминологического аппарата. Одним из основных понятий нового направления стал концепт-термин, обладающий большим эвристическим потенциалом, дискуссии о природе которого, несмотря на большое количество научных разработок, все еще продолжаются. В нашем понимании концепт – это вербализованный символический образ «идеального» понятия, отражающий ментальное представление носителей языка об «объекте» действительности, определяющееся системой традиций данной культуры. Это и делает «концепт» одним из основных терминов понятийного аппарата культурологической лингвистики.

В рамках лингвокультурологического подхода концепт рассматривается как ментальная сущность, несущая на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры. В связи с целью и задачами нашего исследования, а также спецификой изучаемого нами материала мы определили концепт *«Мәхәббәт» (Любовь)* как лингвокультурный.

Лингвистические исследования последних лет отражают повышенный интерес к вопросу о соотношении языковой и концептуальной картины мира. Наряду с богатой концептуальной картиной мира, которая в виде понятий и представлений находится в сознании человека, существует (параллельно ей) вербальная, или языковая картина мира. Под концептуальной картиной мира понимается «образ» мира, не облеченный в какую-либо систему знаков, под языковой картиной мира – та часть концептуального мира человека, которая имеет языковое выражение. Картины мира, складывающиеся в сознании носителей различных культур, не одинаковы, а национально-специфичны. Выражаемые в них значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая «навязывается» в качестве обязательной всем носителям данного языка.

С введением термина «концепт» появилась и форма научных изысканий, названная концептуальным анализом. Концептуальный анализ – это основной метод исследования концептов. Его можно назвать одним из распро-

страненных способов реконструкции языковой картины мира, которая представляет собой анализ метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики. Помимо этого, выявленные «чувственно воспринимаемые» и «конкретные» образы сопоставляются в наивной картине мира данному абстрактному понятию, обеспечивающему допустимость в языке определенного класса словосочетаний.

Выбор данной методики мотивирован тем, что исследуемый нами лингвокультурный концепт «*Махэббат*» (*Любовь*) обозначает сущность высокой степени абстракции. Анализ сочетаемости слов абстрактной семантики позволяет выявить целый ряд различных и не сводимых воедино образов, сопоставленных концепту в обыденном сознании, и, как следствие, выявить важнейшие черты исследуемого концепта.

В настоящее время исследование языковой картины мира проводится преимущественно на материале русского языка. В современной отечественной лингвокультурологии существует несколько научных центров, изучающих языковые единицы в лингвокультурологическом аспекте с разных позиций. Например, Ю.С. Степанов и его последователи описывают константы культуры в диахроническом аспекте. Верификация их содержания проводится с помощью текстов разных эпох, т.е. «с позиции внешнего наблюдателя, а не активного носителя языка»⁴. Такой подход способствует составлению целостной картины преемственности культуры.

В.В. Воробьев⁵, М.А. Карпенко⁶, Е.О. Опарина⁷ и другие исследователи придерживаются мнения о синхроническом характере лингвокультурологии. В последнее время на первый план выходит концепция о синхронно-диахроническом характере лингвокультурологии (С.А. Кошарная⁸, В.А. Маслова⁹).

Следует отметить исследования лингвистов на материале адыгейского, балкарского, башкирского, кабардинского и казахского языков (З.Х. Бижева, Р.М. Валиева, Ж.Х. Геркоготова, А.И. Геляева, И.Р. Мокаева, З.М. Раемгужина, Ж.М. Кучметова, Г.В. Гафарова, Т.А. Кильдебекова, Р.Х. Хайруллина, З.Р. Цримова и др.).

В татарском языкознании проблемами лингвокультурологии и изучением языковой картины мира занимаются такие ученые, как Р.Р. Замалутдинов, Г.Р. Галиуллина, Г.А. Багаутдинова, Э.М. Зиангирова, Э.М. Гиляева, А.А. Аминова, А.Ш. Василова, З.А. Мотыгуллина, Л.Х. Шаяхметова, Л.Г. Саяхова и др.

---

⁴ Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – С. 30.

⁵ Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы) / В.В. Воробьев. – М., 1997. – 256 с.

⁶ Карпенко М.А. Понятия «лингвокультурология», «лингвострановедение», «лингвокраеведение» и их соотношение / М.А. Карпенко // Язык и культура: сб. обзоров. Вып.2. – М.: РАН, 1999. – С. 88–92.

⁷ Опарина Е.О. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия / Е.О. Опарина // Язык и культура. Сборник обзоров. Вып.2. – М.: РАН, 1999. – С. 27–36.

⁸ Кошарная С.А. В зеркале лексикона: Введение в культурологию: учеб. пособие / С.А. Кошарная. – Белгород, 1999. – 245 с.

⁹ Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

Объектом нашего исследования является один из ключевых концептов – концепт «*Махэббат*» (*Любовь*), рассматриваемый в системе татарской языковой картины мира. Концепт «*Махэббат*» (*Любовь*) входит в качестве микрополя в лексико-семантическое поле эмоций. Эмоциональные концепты татарской лингвокультуры – это этнически и культурно-обусловленные ментальные образования. Их специфика определяется традициями, обычаями, нравами, основными стереотипами мышления и моделями поведения человека.

Во второй главе «**Функционирование концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) в татарском языке**» дан подробный анализ по трем компонентам (понятийный, образный, ценностный) лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*).

В разные исторические периоды отношение к такому чувству, как любовь имело свои особенности. В античное время преобладала «платоническая любовь», в средние века – любовь к богу. В XVII в. великие трагики Жан Расин и Дон Хуан изображали земную любовь между женщиной и мужчиной, XVIII в. – это время разочарования в земной любви (Шарль Перро, Франсуа Ларошфуко), XIX в. – расцвет земной любви женщины и мужчины. XX–XXI вв. – это эпоха плюрализма в любви. В восприятии и понимании чувства *любви* в тюрко-татарской национальной картине мира присутствуют элементы западной, восточной, европейской философии и влияние тысячелетней исламской религии.

Если в Европе все виды любви были определены лишь к XX в., то тюрки, в том числе татары, раскрыли их к XII в. Об этом свидетельствует поэма Кул Гали о бессмертной и безграничной любви – «Сказание о Юсуфе».

Понятийный компонент лингвокультурного концепта не сводится лишь к информации – это то в содержании концепта, что не является метафорически-образным и не зависит от ценностных характеристик его языкового имени. Понятийным компонентом лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) является то, что это чувство всегда взаимосвязано со всеми чувствами, присущими человеку, его нельзя объяснить, призвать, прогнать. Любовь правит человеком, затаившись в его душе.

Ключевой лексемой анализируемого концепта является *махэббат* (*любовь*).

В словаре М. Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (XI в.) вместо лексемы *махэббат* (*любовь*) употребляется лексема *исиклик* سلكك | – «любовь, привязанность», кунул ~ исикликъ каръак «в сердце должен быть жар любви»¹⁰. Ключевая лексема *махэббат* (*любовь*) была заимствована из арабского языка в XII в. В «Арабско-татарско-русском словаре» М.И. Махмутова лексема *махэббат* (*любовь*) переводится как *сөю, сөешү, гыйшык*, а на русский язык – как привязанность¹¹.

¹⁰ Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк / перевод З.А. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С. 179.

¹¹ Махмутов М.И. Арабско-татарско-русский словарь: в 3 т. Т. 1. / М.И. Махмутов, К.З. Хамзин, Г.Ш. Сайфуллин. – Казань: Иман, 1993. – С. 339.

В других тюркских языках лексема *махэббат* (любовь) представлена следующим образом: в казахском языке – сүйіспеншілік, махаббат, ғашық¹²; в киргизском – ашыктык, сүйүү, махаббат¹³; в карачаево-балкарском – сүймеклик, сүйюу¹⁴; в кумыкском – сюю, ғышыкълык¹⁵; в турецком – sevgi, aşk, sevi¹⁶; в башкирском – ярату, һөйөү, мөхэббат, ғишык¹⁷.

В «Толковом словаре татарского языка» лексема *махэббат* (любовь) истолковывается следующим образом: любовь – это чувство, вызываемое у субъекта переживание центрального объекта в системе его личностных ценностей при условии рациональной немотивированности выбора этого объекта и его индивидуальности, уникальности¹⁸.

Помимо этого в данном словаре зафиксировано 5 производных лексемы *махэббат* (любовь): махэббат, махэббатле, махэббатлелек, махэббатсез, махэббатсезлек.

Конкретнее, в современных русско-татарских словарях зафиксированы следующие варианты лексемы *махэббат* (любовь): слово **ЛЮБ//ОВЬ** на татарский язык переводится как: 1. махэббат, ярату; сөю; любовь к Родине – Ватанга махэббат 2. (любое отношение) гыйшык, махэббат; **огонь – ви** гыйшык уты 3. (*интерес*) ярату; **любовь к музыке** музыканы ярату¹⁹.

Наличие системы дериватов лексемы *махэббат* (любовь) еще раз подтверждает тот факт, что данный концепт является важной составляющей психоэмоциональной сферы татарского народа.

Лексикографический материал позволяет составить следующее представление о содержании концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) в татарской языковой картине мира: 1. Психическое состояние (в душе – *махэббаттан күңел тулу*). 2. Чувство (в сердце – *йөрәк махэббате*). 3. Физическое ощущение (в теле – *күпме махэббат ләззәте эчтем мин*; во взгляде – *күзләрдә махэббат тулышкан чак*). 4. Существование какого-то пространства, царящего вокруг человека (*махэббат дөнъясы*). 5. Активная, самостоятельно существующая сила (присутствует элемент олицетворения) – *йөрәккә махэббат башын салу*; в виде бабочки – *күңелгә махэббат куну*; стихия – *махэббат диңгезендә чайкалу*. 6. Среда или субстанция, само пространство с определенными характеристиками: *махэббатка чумдыру, махэббат күге, махэббат яңарту*. 7. Предмет – *махэббат камчысы, махэббат хаты, махэббат уты*.

¹² Русско-казахский словарь / под ред. Г.Г. Мусабаева: в 2 т. Т. 1. – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1978. – С. 346.

¹³ Русско-киргизский словарь / под ред. К.К. Юдахина. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – С. 335.

¹⁴ Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х.И. Суюнчева и И.Х. Урусбиева. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – С. 260.

¹⁵ Русско-кумыкский словарь / под ред. З.З. Бамматова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. – С. 387.

¹⁶ Русско-турецкий словарь / сост. В.Г. Щербинин. – М.: Русский язык, 1989. – С. 679.

¹⁷ Русско-башкирский словарь / отв. ред. К.З. Ахмеров. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – С. 365.

¹⁸ Татар теленен аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – Б. 423.

¹⁹ Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. – М.: Инсан, 1997. – С. 249.

На основе анализа ряда литературных контекстов можно определить следующие тематические группы любви:

- 1) *любовь* к родине, родной земле, природе, к окружающему миру;
- 2) *любовь* к родителям, родственникам;
- 3) *любовь* к Богу;
- 4) межличностная *любовь*, т. е. *любовь* между женщиной и мужчиной.

Одним из наиболее частых значений, входящих в концепт «*Мәхәббәт*» (*Любовь*), является *любовь* к родине, родной земле, что вполне естественно, принимая во внимание дисперсный характер проживания представителей татарского этноса.

Очень часто в поэтических текстах *любовь* как чувство направлена по отношению к матери (*ана мәхәббәте*), к ребенку (*ана мәхәббәте балада, ә бала мәхәббәте далада*), к народу (*халык мәхәббәте*), к Богу (*Аллага булган мәхәббәт*), к родине. Более частыми объектами, входящими в общее представление «родина», являются: родная деревня, природа родной деревни, река Идел (Волга), Агыйдел (Белая), родной дом и т.д.

Однако лексема *мәхәббәт* (*любовь*) не вербализуется с перечисленными выше объектами любви. Эту лексему в данном случае заменяют близкие друг другу по семантическому значению варианты синонимов: *ярату* и *сәю*. Само слово *мәхәббәт* (*любовь*) употребляется лишь при описании межличностной любви, т. е. при описании любви между женщиной и мужчиной.

В связи с этим, кроме ключевой лексемы *мәхәббәт* (*любовь*), в план выражения концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) входят лексемы, означающие различные чувства и эмоции, вызванные состоянием *мәхәббәт* (*любовь*): «*ярату*» (*любовь*), «*гыйшык*» (*любовь, влюбленность*), «*сәю*» (*любовь*), «*сәю-сагадәт*» (*любовь и счастье*), «*наз*» (*ласка*), «*дәрт*» (*пыл*), «*сөешү*» (*любовь*), «*йөрәк яулау*» (*покорение сердца*), «*мәхәббәт алмасы ашау*» (*есть яблоко любви*), «*мәхәббәт касәсе*» (*чаша любви*) и др.

Далее в главе анализируется образный компонент лингвокультурного концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*), классификация которого с помощью чувственных образов татарской поэзии показывает, что в данном случае присутствуют основные типы семантического переноса: метафора биоморфная (антропо-, зооморфная, ботаническая), метафора реиморфная – предметная.

Чаще всего *мәхәббәт* (*любовь*) ассоциируется со светом: она светится – огнем, костром, пламенем, искрой, она может гореть, воспламеняться, неосторожных обжечь: *мәхәббәт уты* (*огонь любви*), *мәхәббәт, ялкыны* (*пламень любви*), *мәхәббәт очкыны* (*искра любви*), *мәхәббәт шәме* (*свеча любви*), *мәхәббәт учагы* (*костер любви*), *мәхәббәт лампасы* (*лампа любви*), *мәхәббәт йолдызы* (*звезда любви*), *мәхәббәт нуры* (*луч любви*) и т.д.

Нередко *мәхәббәт* (*любовь*), как и эмоции в целом, сравнивается с некой жидкостью, заполняющей человека изнутри и снаружи, в которой он может купаться, плавать, тонуть; она может быть глубокой и мелкой; очень часто она выходит из берегов, затапливая окрестности; ею можно заполнить сосуд, ее можно испытать: *мәхәббәт диңгезе* (*море любви*), *мәхәббәт елгасы* (*река любви*), *мәхәббәт дарьясы* (*безграничное водное пространство любви*),

махэббат чиимәсе (родник любви), *махэббат суы* (вода любви), *махэббат шарабы* (вино любви) и т.д.

Весьма частотна репрезентация любви через персонификацию, т.е. передача через образ живого существа. Наряду с традиционными поэтическими сопоставлениями появляются новые парадигмы. Так, *махэббат (любовь)* сравнивается не с человеком в целом, а с его отдельными качествами: внешним обликом (глаза, ресницы, коса, нос), эмоциями, мыслями: *махэббатне толымга үрү* (заплести любовь в косу), *махэббат күзен ачу* (раскрывать глаза любви), *махэббат шатлыгы* (радость любви), *шашкын махэббат* (яростная любовь), *махэббат газабы* (муки любви) и т.д. Персонифицированная *махэббат (любовь)* плачет, как дитя, спит на коленях, на подушке, прикасается к кому-либо или к чему-либо, окутывает, просыпается, подглядывает, подмигивает, сердится, бушует, ждет, устает, встречает, провожает и т.д.

Встречаются сравнения с луной, солнцем, лучами солнца, звездой, кинжалом, плеткой, горой, косой, слезой, тенью, следами, партией, свертком, ношей, болезнью: *махэббат камчысы* (плетка любви), *махэббат хаты* (любовное письмо), *махэббат яше* (слеза любви), *махэббат тавы* (гора любви), *махэббат шәүләсе* (тень любви), *махэббат авыруы* (болезнь любви), *махэббат толымы* (коса любви), *махэббат утравы* (остров любви), *махэббат партиясе* (партия любви) и т.д.

Махэббат (любовь) часто сравнивается с комнатными и луговыми цветами, почками на деревьях и самим деревом: *махэббат гәле* (цветок любви), *махэббат тажы* (пестик любви), *махэббат бөресе* (почка любви), *махэббат агачы* (дерево любви) и т.д.

Сравнительно реже в авторских дискурсах появляются зооморфные метафоры (птица): *махэббат кошы* (птица любви).

По нашим наблюдениям, в татарских текстах слово *махэббат (любовь)* реифицируется – любовью наполняют пространство, болеют, любовь отправляют по почте, вышивают, вплетают в косу, выпивают, наполняют ею чашу, ее приносит природное явление (дождь, ливень, снег, буран, ветер, утро, вечер, ночь): *махэббат жңиле* (ветер любви), *махэббат яңгыры* (дождь любви), *махэббат бураны* (буран любви); любовь бросают в огонь, выучивают наизусть ее суры, читают как книгу, ей посвящают песни: *махэббат сүрәсе* (сура любви), *махэббат китабы* (книга любви), *махэббат жңыры* (песня любви).

Наблюдения над коннотациями концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) в текстах татарской поэзии свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве эти коннотации не являются специфическими для данного концепта: они могут ассоциироваться и с другими именами.

Антропоморфная метафора концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) связана, в основном, с историческими и этимологическими предпосылками (явлениями), предметная (реиморфная) метафора мотивирована грамматически: *махэббат (любовь)* – имя существительное.

Метафоры «огненная», «световая», «жидкостная» общеэмоциональны и восходят к представлениям об эмоциональной жизни человека.

Специфические образы *махэббат* (любовь) многочисленны, но относительно низкочастотны: *дерево, тень, день, роса, вышивка, коса* и т.д. В них коннотации идеализируются неоднозначной и внеконтекстной интерпретацией смысла, заданного в татарской культуре. Этнокультурную значимость приобретают образы, которые возвышаются до символа, т.е. становятся «чувственным воплощением идеального».

Объектом лингвистического анализа концепта «*Махэббат*» (Любовь) становится также ценностный компонент, где происходит отделение лингвокультурологического понимания концепта от его логического, математического и семиотического понимания.

Главным конституентом языкового поля, передающим содержание концепта наиболее полно и адекватно, в лингвистике рассматривается слово. Слово может служить именем концепта. Он может концентрировать в себе разнообразные смысловые элементы. Концепт, получивший имя, охватывает все содержание слова – денотативное и коннотативное, отражающее представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятом во всем многообразии его ассоциативных связей. Статус имени концепта «*Махэббат*» (Любовь) получает лексическая единица *махэббат* (любовь), которая является ключевой лексемой, за которой выстраивается парадигма единиц, воплощающих интерпретационные «портреты» концепта.

Лингвокультурный концепт «*Махэббат*» (Любовь) в татарском языке реализуется лексическими средствами прямой и вторичной номинации. Лексическая репрезентация концепта «*Махэббат*» (Любовь) в татарском языке осуществляется посредством реализации группы лексем в различных частях речи, которые выстраиваются в парадигмы в соответствии с признаками того или иного прототипического значения концепта «*Махэббат*» (Любовь): 1) имени существительного: *махэббат* (любовь); 2) имени прилагательного: *махэббатле* (караш – взгляд); 3) имени действия: *махэббатлану* (кырлар – поля).

Большую часть лексем составляют единицы вторичной номинации. Они служат наиболее важным информационным источником, поскольку в них знаково фиксируются ментальные операции человека, лингвокультурологический анализ которых позволяет ученым вскрыть мотивационные основы переносов наименований с одних объектов мира на другие, увидеть корреспонденции разных концептосфер того или иного языка. Средствами вторичной номинации служат метафорические наименования в разновидностях и фразеологические единицы. Характерной чертой единиц фразеологического состава языка как знаков вторичной номинации является образно-ситуативная мотивированность, напрямую связанная с мировидением народа – носителя языка. Например: *Карынымда балам тибэ...* / *Карынымда – / Синең жаның!* / *Махэббатнең тупылдавы – / Бар мәгънәсе дөньяның.* (И. Иксанова) (букв. В утробе ребенок... / В утробе – / Твоя душа! / Топот любви – / В этом вся истина мира.) Глагол *тупылдау* (топот) в данном контексте употреблен по отношению к неодушевленному абстрактному предмету (*махэббат*), поэтому на первый план выступает прием олицетворения

(человек топает – любовь топает). Таким образом, глагольная метафора *махэббат тупылдавы* является вербализующей концепт «*Махэббат*» (Любовь).

Во фразеологии *махэббаткэ чуму* (букв. погружаться в любовь) для сравнения чувства *махэббат* (любовь) с некой жидкостью используется глагол *чуму* (погружаться).

Слово лишь предварительно обеспечивает возможность передачи информации, а актуальные смыслы концепта извлекаются из создаваемых сочетаний. Значительную часть наших примеров составляют сочетания лексема *махэббат* (любовь) + глагольная лексема: *ярсырга* (разъяряться, бурлить), *үксергә* (рыдать), *сарылу* (обволакивать, прилипать), *әрнү* (щемить, ныть), *яту* (лежать), *карау* (смотреть), *көтү* (ждать), *котыру* (бушевать) и т.д. Это связано с уникальной способностью тюркских народов воспринимать мир в движении, в динамике и разработанностью образных средств, помогающих раскрыть эту динамику. Как подтверждают специалисты, в тюркских языках очень много глагольных форм, «количество которых доходит чуть ли не до нескольких тысяч единиц»²⁰.

В поэтических контекстах данные глаголы использованы для создания персонифицированного образа «*махэббат*» как условного, нереалистичного живого существа. Реифицированный образ «*махэббат*» создается также при сочетании лексемы *махэббат* (любовь) с глаголами *бару* (*махэббат йөри артымнан* – любовь идет за мной, любовь продолжается, любовь не отстает от меня), *чигү* (*махэббатен кульяулыкка чигү* – девушки могут вышить любовь на платочке), *тару* (юлыгу) (*махэббаткэ тарыдым* (юлыктым) – встретиться с любовью), *ятлау* (*махэббатне ятлау* – заучивать любовь наизусть) и т.д.

Анализ текстового материала показал, что к периферии, граничащей с ключевым словом лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (Любовь), относятся и имена существительные: *махэббат тавы* (гора любви), *махэббат камчысы* (плетка любви), *махэббат эзләре* (следы любви), *махэббат шәүләсе* (тень любви), *махэббат сукмагы* (тропа любви), *махэббат кульяулыгы* (платочек любви), *махэббат шарабы* (вино любви), *махэббат диңгезе* (море любви), *махэббат уты* (огонь любви), *махэббат ялкыны* (пламень любви), *махэббат очкыны* (искорка любви), *махэббат савыты* (чаша любви), *махэббат хаты* (любовное письмо), *махэббат йомгагы* (клубок любви), *махэббат бишеге* (колыбель любви), *махэббат алмасы* (яблоко любви) и др.

Периферию дополняют и прилагательные, которые несут смысловую нагрузку. В татарских поэтических текстах прилагательные, сочетающиеся с эмоциональным компонентом *махэббат* (любовь), приобретают коннотативное значение. Образ *махэббат* (любовь) наделяется цветовыми качествами: *ал* (розовый), *кара* (черный); световыми: *якты* (светлый), *караңгы* (темный); вкусовыми: *татлы махэббат* (сладкая, вкусная любовь), *баллы махэббат*

²⁰ Бакиров М.Х. Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М.Х. Бакиров. – Казань, 1999. – С. 17.

(сладкая любовь), *ачы/эче махэббат* (горькая любовь), *төче махэббат* (пресная любовь) и т.д.

Проанализированный материал дает основание считать, что лингвокультурный концепт «*Махэббат*» (*Любовь*) относится к разряду активно познаваемых в речемыслительной деятельности и разнообразно репрезентируемых в татарском языке. Это подтверждается его глубоким историкокультурным содержанием, зафиксированным в семантике соответствующих лексических единиц.

На материале современной татарской поэзии нами рассматриваются парадигматические и лексико-деривационные варианты в составляющих лингвокультурного концепта «*Махэббат*» (*Любовь*).

Лингвистическая природа культурного концепта предполагает его закреплённость за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг ядра, представленного словом *махэббат* (*любовь*). В основе лексико-семантического поля *махэббат* (*любовь*) в татарском языке лежит базовая лексема, представленная родовой семей *махэббат* (*любовь*). На периферии поля расположены слова, имеющие интегральное, общее с ядром значение: *ярату*, *гыйшык*, *сөю*, *сөю-сәгадэт*, *наз*, *дәрт*, *сөөшү*, *йөрәк яулау*, *махэббат алмасы ашау*, *махэббат касәсе* и т.д.

Существенную роль в репрезентации концепта «*Махэббат*» (*Любовь*) играют синонимические варианты лексемы *махэббат* (*любовь*), что позволяет сделать некоторые выводы об особенностях тех смыслов, которые они несут.

Данная лексема в татарских текстах обнаруживает следующие синтагматические связи:

Махэббат – *ярату*, *сөю* (сөөлү), *сөю-сәгадэт*, *гыйшык*, *гашыйк булу* (гыйшык-мыйшык), *дәрт*, *дәрт-дәрман*, *назлау*, *иркәләү*, *ошату*, *якын итү*.

Ярат *йү* – минем ~ кан кешем (любимый родственник), ~ кан эшем (любимая работа); ~ *ып калдым* (полюбил(а)), ~ *ып йөрү* (любить); ~ *кан кырлар* (родные поля); **яраттырсаң**, *нишләрмен* (если заставишь себя полюбить, то что я буду делать).

Сөю – ~ *еп карыйм* ~ ; **сөөл** *йү* – ~ *еп яшәргә язсын*; **сөю-сөөлү**; **сөю-сәгадэт** – ~ *бүләк иткән язмышыма рәхмәтле*; **сөйкемлелек** – ~ *уратып алган*.

Гыйшык – ~ *тоту*, ~ *лык авыруы* (любовная болезнь).

Гашыйк булу – *бер күрүдә* ~ *булдым* (влюбиться с первого взгляда); **гыйшыклык** – ~ *ка урын бирәмен* (позволяю влюбиться).

Дәрт – *беренче очрашуда сөю* ~ *е кабынды* (при первой встрече вспыхнул любовный пыл); **дәрт-дәрман** – ~ *ы сүнмәде-сүрелмәде* (любовная страсть не угасла).

Назла *йү* – ~ *ды иркәсе* (приласкал(а) любимый(ая)); **наз** – ~ *лар коесы* (колодец ласки), ~ *лы караш ташлау* (ласковый взгляд).

Иркәлә *йү* – ~ *син мине* (приласкай ты меня).

Ошат *йү* – *беренче очрашуда ук бик* ~ *ты* (при первой же встрече полюбил).

Якын ит *йү* – *бер күрүдә үк* ~ *те*, *яратты* (при первой же встрече посчитал ее (его) близким(ой) полюбил(а), ; ~ *лык кылу* (заняться любовью).

Немаловажную роль в вербализации лингвокультурного концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) играют также антонимические ряды лексемы *мәхәббәт*: *мәхәббәт* – *нәфрәт* (любовь – ненависть), *мәхәббәт* – *хыянәт* (любовь – измена), *сөю* – *нәфрәт* (любовь – ненависть), *сөю* – *хыянәт* (любовь – измена), *ярату* – *дошман куру* (любить – возненавидеть, ненавидеть), *ярату* – *куралмау* (любить – ненавидеть), *ярату* – *нәфрәтләну* (любовь – ненависть, презрение), *гашиык итү* – *гайрәт чигерү* (влюбить – отбить любовь), *дәрт* – *сагыш* (страсть – тоска), *дәртле* – *дәртсез* (страсть – бесстрастие) и др.

При лингвокультурологическом анализе эмоционального концепта наиболее релевантными признаются фразеологические единицы языка, поскольку в них эксплицитно отражена специфика познавательного и эмоционального опыта того или иного этноса. Семантике фразеологизмов присуща взаимосвязь концептов языка и концептов культуры. Источником культурно-национальной репрезентации является система образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях. Например, татарские фразеологизмы *мәхәббәттән йөзе саргайды* (букв. от любви пожелтело лицо), *мәхәббәттән чырае сап-сары киселгән* (букв. от любви лицо стало желтым), *ак йөземне алсулык алды* (букв. белое мое лицо порозовело), *мәхәббәттән йөземә алсулык йөгәрде* (букв. от любви мое лицо порозовело) отражают представление людей о человеческом лице как об экране эмоционального переживания с характерными симптомами разных чувств.

Таким образом, в ходе анализа фразеологизмов воссоздается представление о чувстве *мәхәббәт* (*любовь*), которое существует в сознании татарского человека. Установлено, что данная лексема является своеобразным средством познания эмоционального мира, за которым человек скрывает свое восприятие жизни и свои наблюдения, одновременно обобщая их.

В третьей главе «**Функционирование концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) в поэтических жанрах фольклора**» анализируются паремии и татарские народные песни.

Человек всегда жил во взаимосвязи с живой и неживой природой. Некоторые ее объекты он обожествлял, повиновался им, просил у них помощи, других представлял как злых духов и боялся их.

Такие формы мышления основывались на многочисленных традициях и верованиях народа. Со временем традиции менялись, некоторые забывались, а очень яркие и содержательные по смыслу сохранялись в виде разнообразных фольклорных жанров. В качестве объекта исследования нами были выбраны паремии и тексты народных песен, в других жанрах народного фольклора концепт «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) не выражен.

Текстам паремий присуща ценностная характеристика, которая может рассматриваться только в лингвокультурологии.

Будучи культурным концептом, «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) обладает ценностными характеристиками, которые можно установить, обратившись к анализу паремиологического фонда, являющегося одним из предметов изучения лингвокультурологии. Для национального сознания татарского народа, который относится к числу дисперсно проживающих народов, концепт «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) имеет очень большое значение. Данный концепт часто

связывается с образом родины, родной страны, с ностальгией по ней. Об этом свидетельствуют и татарские пословицы. Образ родины в них отражен эксплицитно: *Ватанны сөү – үзеңне сөү; Ватаннан аерылу сөйгәннән аерылудан яманрак*. Кроме того, любовь к родине, родной стране, природе противопоставляется могиле. *Туган илгә булган мәхәббәт салкын кабердә дә суынмас*.

Любовь к матери в пословицах представлена в сопоставлении с любовью ребенка: *Ана мәхәббәте балада, бала мәхәббәте далада*. Среди всех значений доминирует любовь межличностная – любовь между мужчиной и женщиной. В татарских пословицах любви (мәхәббәт) присущи долговечность, длительность отношений, а влюбленности (гашыклык) – мимолетность: *Гыйшык уты кабына да сүнә, мәхәббәт гомер буе жылыта*. В основе долговечности любви лежит сама же любовь: *Мәхәббәт мәхәббәт белән яши*. Несмотря на это, влюбленность, как и любовь, имеет и положительное значение в контексте паремиологий. Она сравнивается с океаном, бесконечным водным пространством и, таким образом, наделяется долговечностью, длительностью существования: *Гыйшык – дәрә, йөзә белмәгән батадыр анда*.

В текстах паремий любовь представляется в женском облике: *Мәхәббәт нәфрәткә яулык болгый (Любовь ненависти машет платком)*.

Такие характерные для татарских женщин качества, как терпение и верность также отражены в пословицах о любви: *Хатыннар мәхәббәтне күңелләрендә кырык ел сакларлар, сөймәгәнлекләрен бер сәгаттә ачыл салырлар (Женщины могут хранить любовь в душе и сорок лет, а отвращение выскажут за час)*.

Любовь в пословицах представляется как сила, подчиняющая себе, меняющая исторически сложившиеся устои: *Мәхәббәт белән дәрт бердәй булса, йөрәк белән җан корбан булыр (Если и любовь, и страсть будут за одно, то душа и сердце перейдут в иной мир); Мәхәббәт акыллыны ашкындыра, акылсызны пошындыра (Любовь для умного – наслаждение, а для глупого – мучение); Гыйшык тотканда ир авызыннан сүз өзелмәс (У влюбленного мужчины из уст так и льются слова); Мәхәббәт тәпәнне дә кочаклата (Любовь заставит обнять и бочку); Мәхәббәтнең күзе сукур (У любви глаза слепы)*.

Любовь для татарского народа – это мудрое существо, осуждающее неблагоприятные поступки: *Ир белән хатын сугышканда, мәхәббәт бер почмакта тешләрен шыгырдатып торыр, ди (Когда муж и жена дерутся, то любовь наблюдает из-за угла, скрипя зубами)*.

Концепт «Мәхәббәт» (Любовь) репрезентируется и в текстах татарских народных песен.

Песня с незапамятных времен является постоянным спутником человека. Став составной частью человеческого бытия, она сопровождала трудовую деятельность людей, различные обряды, т.е. выражала все многообразие духовного мира человека и силой словесного заклинания должна была помочь при особо важных обстоятельствах жизни. Со временем песня как родоначальница музыкально-поэтического искусства приобретает самостоя-

тельность, появляются некоторые разновидности жанра и их исполнители. Поэзия, как и музыка, была вплетена в процесс реальной жизни и, тем самым, долгое время существовала только в жанре песни. Стихи пелись. Наверное, не зря поэзию называют песнопением²¹.

В татарских народных песнях воплощена мелодичная душа татарского народа. Песня являлась его спутницей. В песнях отражены история народа, его культура, особенности и традиции, что и способствовало их выбору для анализа лингвокультурного концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*).

Образное мышление о любви у татар связано, прежде всего, с окружающей средой. Это мир природы – неисчерпаемый источник поэзии.

Систему образов можно подразделить на несколько основных групп: животный и растительный мир, космические тела и явления природы, географические названия и личные имена. Например: сандугач (соловей), тургай (жаворонок), аккош (лебедь), гөл, чәчәк (цветок), каен (береза), таң (заря), чишмә (родник), кояш (солнце), ай (луна), йолдыз (звезда); названия рек: Агыйдел (Белая), Идел (Волга) и др. Кроме того, бытует группа довольно активных образов, по разным причинам не включенных в основную классификацию. Это такие образы, как күңел (душа), йөрәк (сердце), гомер (жизнь), туган авыл (родная деревня), табигать (природа), әти-әни (отец и мать), туганнар (родственники), жыр (песня), гармун (гармонь). Система образов сформировалась в результате многовекового опыта и наблюдений татарского народа за окружающей природой и жизнью. Эти образы стали активным художественным средством татарской национальной поэзии.

В народных песнях образ любви выступает в качестве устойчивого элемента композиционного параллелизма, метафоры, сравнения. Одни из них сохраняют свое прямое значение, другие становятся поэтическими символами или одним из элементов символики, приобретая переносное значение.

Животный мир в татарских народных песнях воплощен, в основном, в образах птиц: сандугач, былбыл (соловей), тургай (жаворонок).

Кроме этих репрезентантов концепта «*Мәхәббәт*» (*Любовь*), в народных песнях присутствует и субъект любви – изящная, наделенная божественной красотой девушка, которая сравнивается с соловьем, цветком, зарей и т.д.

Таким образом, концепт «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) в поэтических текстах и в текстах фольклора часто представляется как *огонь, жар, пламя*. Любовь может быть: 1) пламенем, охватившим человека; 2) светом, исходящим от субъекта; 3) стрельбой, выстрелом в сердце; 4) силой огня, не щадящего на своем пути никого и ничего; 5) сильным чувством, охватившим кого-либо; 6) повышенным настроением, страстью, силой; 7) страстью к жизни, родине, природе.

Ученый-фольклорист Ф.И. Урманче отмечает важную роль очага и огня в истории человечества. По его мнению, исходя из мифологии народов мира, огонь – это прежде всего символ таких божественных явлений, как *сила, мощь, очищение, открытие, изменение, возрождение, одухотворение и*

---

²¹ Миннуллин К.М. Песня как искусство слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / К.М. Миннуллин. – Казань, 2001. – С. 7.

вдохновение. Кроме того, *огонь* является символом солнца, он обладает способностями: 1) рождения, 2) разрушения, сожжения и необратимого, безвозвратного уничтожения. Но в основном Ф.И. Урманче рассматривает тексты, содержащие семы *Ут*, через призму религиозно-мифологической категории *Вечного огня* – *Мәңгелек ут*, истоки которой, по его мнению, восходят к зороастрийской религии, возникшей и получившей распространение в 15–10 вв. до н.э. на Древнем Востоке. Ученый считает, что поклонение огню в той или иной мере присутствовало в любой религии. А сама идея вечного сохранения огня начинается с поклонения человека огню своего очага, со времени зарождения человеческой цивилизации (7 в. до н.э.) на Древнем Востоке. Согласно Ф.И. Урманче, если принять во внимание и современные памятники погибшим на войнах (Вечные огни), то человечество поклоняется огню уже девять тысяч лет²².

Ученый-мифолог Г. Гильманов анализирует содержание мифологических трактовок *Ут* (*Огонь*): *ут* – очищение, способ лечения; *ут* – тепло, теплота дома; *ут* – символ семьи, защитник; *ут* – страшная стихия: опасность, пожар, признак смерти; *ут* – священная стихия, что также подтверждает преобладание положительной оценки «Ут» (*Огонь*) в сознании татар²³.

Для тюрков «ут» являлся и средством очищения. По мнению Ф.С. Баязитовой, молодоженов заставляли прыгать через огонь (костер) или обводили вокруг них горящими поленьями, чтобы изгнать «нечистый дух», «очистить» их. Как отмечал Э.Б. Тайлор, «некоторые из средневековых татарских племен питали сознательное предубеждение против купания и находили, что для очищения достаточно пройти через огонь или между огней²⁴» и т.д.

Таким образом, *ут* для тюрков являлся прежде всего *сакральной* субстанцией.

Огонь и вода, являясь первоэлементами Вселенной, обычно находят место в культуре всех цивилизованных народов мира как противоположные, взаимоисключающие субстанции. В поэтических текстах и текстах поэтического фольклора мы видим «органичное слияние» данных стихий. Объяснением этому служат ценностные признаки огня в восприятии поэта, имеющие глубокие генеалогические корни. Очистительные, облагораживающие, восстанавливающие и освящающие свойства тюрко-татарского *ут* (*огонь*) связаны прежде всего с родным очагом, родной землей.

Концепт «*Мәхәббәт*» (*Любовь*) выражается метафорой «льется», т.е. народом любви приданы свойства воды вследствие ее переливчатости, звонкости, мелодичности и «ворожительной способности». Однако через призму восприятия татарского народа эта моң-музыка является также «огнем-наследием», который заполняет наши души. Он «сжигает», т.е. в прямом значении несет «уничтожение», однако не следует забывать, что в тюрко-татарском понимании «сожжение» означает также «очищение».

²² Урманче Ф.И. Лиро-эпос татар Среднего Поволжья / Ф.И. Урманче. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 256 с.

²³ Татар мифлары: Ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар / төз. Г. Гыйльманов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 383 б.

²⁴ Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре / Э.Б. Тайлор. – М.: Русич, 2000. – 624 с.

Для выражения описанных выше значений определяем следующие свойства и способности воды:

1) «текучесть» и «проникновенность» воды, чего недостает «локализованной» энергии огня;

2) способность воды отражать окружающий мир даже в капле.

Поэтому «духовный огонь» в синтезе с «водой» обнаруживает удивительную силу движения, проникновения, воздействия и отражения.

Таким образом, анализ паремий, как и анализ народных песен, помогает воссоздать представление о *любви*, которое существует в сознании татарского народа, показывает, что данная лексема является своеобразным средством познания мира, за которым человек скрывает свое восприятие жизни, свои наблюдения, одновременно обобщая их.

В татарской языковой картине мира *махэббат* (любовь) наделена следующими внешними и внутренними признаками:

а) **внешние признаки:**

– **персонифицированность:** *Махэббатнең күзе сукур* (У любви глаза слепы);

– **форма:** *махэббат өчпочмагы* (любовный треугольник);

– **предмет:** *махэббат хаты* (любовное письмо), *махэббат китабы* (книга любви);

– **сообщество:** *махэббат партиясе* (сообщество любви), *махэббат митингы* (митинг любви), *махэббат түгәрәге* (кружок любви);

– **религиозная атрибутика:** *махэббат сүрасе* (любовная сура), *махэббат аяте* (аят любви);

– **температура:** *кайнар махэббат кочагы* (горячие объятия любви);

– **продолжительность:** *мәңгелеккә кабынган махэббат* (любовь, зажженная навечно);

– **сила:** *дөрләп янган махэббат көче* (пылающая сила любви), *Махэббат тәпәнне дә кочаклата* (Любовь заставит обнять и бочку);

– **звук:** *махэббат җыры туу* (зарождение любовной песни);

– **«место возгорания»:** *махэббат учагы* (костер любви), *махэббат утында яну* (гореть в огне любви);

б) **внутренние признаки:**

– **сакральность:** *махэббат уты аша чистарыну* (очищение в огне любви);

– **мудрость:** *Ир белән хатын сугышканда, махэббат бер почмакта тешләрен шыгырдатып торыр, ди* (Когда муж и жена дерутся, то любовь наблюдает из-за угла, скрипя зубами);

– **духовная ценность:** *халкым махэббатте* (любовь народа);

– **живительность:** *махэббат агачы* (дерево любви), *махэббат гөле* (цветок любви);

– **чувство:** *махэббат уты кабыну* (зажечь огонь любви);

– **добродота:** *әнкәйнең күңел махэббатте* (душевная любовь матери);

– **преемственность:** *киләчәккә махэббат утын тапшыру* (передать в будущее огонь любви);

– **испытание:** *махэббат газабында яну* (страдать в муках любви).

Таким образом, *махэббат* (любовь) в татарской языковой картине мира обретает разные внешние и внутренние признаки.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования, делаются выводы, намечаются некоторые перспективы.

Язык теснейшим образом связан с картиной мира. В современной лингвистике концепт понимается как многоаспектное образование, значимое для данной культуры и отраженное в коллективном сознании носителей языка, закрепленное за определенной областью действительности и выраженное в тех или иных языковых формах. Концепт – это вербализованный символический образ идеального понятия, отражающий ментальные представления носителей языка об объекте действительности.

Анализ лексических единиц концепта «*Махэббат*» (*Любовь*), нашедших отражение в современной поэзии и в текстах поэтического фольклора, позволил выявить особенности данного концепта в татарском языковом сознании.

Исследование показало, что в современной поэзии и в текстах поэтического фольклора отражены особенности мировосприятия татарского народа, в значительной мере обусловленные экстралингвистическими факторами: историей, культурой, конфессиональной принадлежностью, национальными традициями, ценностями и стереотипами сознания. Изучение семантики слов татарского языка представляет собой один из эффективных способов выявления особенностей менталитета татарского народа.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В ведущем рецензируемом журнале ВАК:

1. Сибгаева Ф.Р. Пространство в картине мира поэтической фразеологии татарского языка / Ф.Р. Сибгаева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 8. – С. 123–127.

В различных научных сборниках и журналах:

2. Сибгаева Ф.Р. Стилистика фразеологических оборотов в поэзии / Ф.Р. Сибгаева // Итоговая научно-образовательная конференция студентов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2005. – С. 88–92.

3. Сибгаева Ф.Р. Стилистическое употребление фразеологизмов в современной татарской поэзии / Ф.Р. Сибгаева // Итоговая научно-образовательная конференция студентов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – С. 78–81.

4. Сибгаева Ф.Р. Х. Туфан һәм М. Әгъләмов шигъриятендә «сәю», «ярату» компонентлы тотрыклы сүзтезмәләр / Ф.Р. Сибгаева // Студентларның вузара фәнни конференциясе «Төрки һәм фин-угор телләренең тарихы һәм теориясе мәсьәләләре» (Казан, 26–28 октябрь, 2006 ел). – Казан: Казан дәүләт ун-ты нәшр., 2006. – Б. 49–51.

5. Сибгаева Ф.Р. Бүгенге көн поэзиясендә мәгънәдәш фразеологизмнарның яшәеше / Ф.Р. Сибгаева // Милли мәдәният. – Казан: Gumanitarya, 2006. – Б. 45–48.

6. Сибгаева Ф.Р. Хәзерге татар поэзиясендә фразеологик синонимия / Ф.Р. Сибгаева // Фәнни язмалар-2006 / фән. ред. Гыйләжев И.А. – Казан: Казан дәүләт ун-ты нәшр., 2007. – Б. 389–395.

7. Сибгаева Ф.Р. Хәзерге татар поэзиясендә фразеологик антонимия / Ф.Р. Сибгаева // Фәнгә багышланган гомер / төз. Сибгаева Ф.Р. – Казан: Казан дәүләт ун-ты нәшр., 2008. – Б. 155–163.

8. Сибгаева Ф.Р. Трансформирование общеязыковых фразеологизмов в современной татарской поэзии с компонентом *мәхәббәт* (любовь) / Ф.Р. Сибгаева // Этнодидактика народов России: обучение и воспитание в состязательной среде: VII Международная научно-практическая конференция. (Нижнекамск, 24 апреля 2008 г.) / под ред. Ф.Г. Ялалова. – Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2008. – С. 331–333.

9. Сибгаева Ф.Р. Хәзерге татар әдәби телендә поэтик фразеологик антонимнарны өйрәнү мәсьәләсе / Ф.Р. Сибгаева // Фәнни язмалар-2007 / фән. ред. Гыйләжев И.А. – Казан: Казан дәүләт ун-ты нәшр., 2008. – Б. 251–257.

10. Сибгаева Ф.Р. Аксиологические особенности концепта «*Пространство*» в поэтической фразеологии татарского языка / Ф.Р. Сибгаева // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – №2. – С. 114–116.

11. Сибгаева Ф.Р. Концепт «*Казань*» в татарской поэзии / Ф.Р. Сибгаева // Наука и инновации в решении актуальных проблем города // Материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов. (Казань, 11–12 декабря 2008 г.). – Казань, 2008. – С. 76–80.

12. Сибгаева Ф.Р. Преобразование фразеологических единиц в современной татарской поэзии / Ф.Р. Сибгаева // Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации: Материалы VII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья», Казань, 2–5 июля 2008 г. / науч. ред. И.А. Гилязов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. – С. 215–218.

13. Сибгаева Ф.Р. Концепт «*Жизнь*» в современной татарской поэтической фразеологии / Ф.Р. Сибгаева // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики. – Чебоксары, 2009. – С. 116–118.

14. Сибгаева Ф.Р. Концепт «*Мәхәббәт*» (Любовь) в татарских народных песнях / Ф.Р. Сибгаева // Этнодидактика народов России: обучение и воспитание в состязательной среде: Материалы VIII Международный научно-практической конференции. – Нижнекамск: НМИ, 2009. – С. 255–260.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ

Подписано в печать 11.11.2009. Формат 60×84 ¹/₁₆

Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,5

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. 292-95-68, 292-18-09